

А.Н. КОЖИН

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ТЕКСТА В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.

В деловой письменности Владимирского края отражены особенности народно-разговорной речи, и это обусловлено тем, что тексты создавались местными уроженцами, освещавшими различные явления обыденной жизни простого люда¹.

Деловые тексты этого края русской земли весьма любопытны; они дают убедительное представление о широте делопроизводства, об устойчивых формах использования русского языка в различных жанрах деловой письменности. Значительное распространение имели такие разновидности, являвшиеся фактом фиксации различных форм хозяйственной деятельности, как отказные, посевные, ужинные, опытные книги и памяти, приходно-расходные и таможенные книги;

¹ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край /Изд. подгот. С.И. Котков и др.; Под ред. С.И. Коткова. М., 1984. С. 4. Далее указываются страницы данного издания.

челобитные; обыскные, сыскные, допросные и расспросные речи; отписки, сказки, поручные и другие записи. В языке этих жанров деловой письменности просматриваются приемы словоупотребления, свидетельствующие о наличии стилистических норм, которые имели широкое распространение в сфере делопроизводства и соблюдались при оформлении того или иного документа. Некоторые устойчивые приемы употребления слов и их сочетаемости при характеристике хозяйственных и имущественных отношений в повседневной жизни носителей русского языка можно с оговорками отнести к ряду стилистических явлений.

Стилистическая ориентация текста проступает в тех случаях, когда имеет место тенденция на упорядоченное выражение определенной информации, что принимает форму ориентировки на семантический потенциал ряда слов и выражений, выступающих в роли опорных звеньев описательного текста. В роли таких ключевых звеньев описательного текста, предопределяющих порядок развертывания обиходно-делового изложения, используются слова и словосочетания, обладающие обобщенно-понятийной содержательностью и способностью выступать в качестве своеобразного эталона при квалификации имущественного положения объектов описания в том или ином виде деловой письменности.

Текстообразующая роль подобных лексических средств особенно заметна в структуре описательных контекстов, представляющих собой своеобразные характеристики социальной значимости представителя той или иной сферы хозяйственной деятельности; при этом местоположение ряда ключевых слов и выражений как бы определено той содержательностью, какая свойственна обозначаемому в повседневной жизни носителей языка. Описательные контексты обычно включают ограниченный ряд слов и словосочетаний, содержащих хозяйственно-деловую информацию в том или ином виде деловой письменности. Наибольшей активностью обладают такие слова и словосочетания: *живот, хлеб, платье, сено, хоромное (дворовое) строение*.

Местоположение ряда слов является фиксированным. Описательные контексты обычно начинаются с организации такого ряда слов, посредством которых раскрывается объем понятийной содержательности слова *живот* применительно к конкретному лицу как обладателю того или иного уровня имущественного состояния; после этого изложение представлено группой слов, квалифицирующих объем имущественной содержательности, обозначаемой словом *хлеб*. Вместе с тем следует иметь в виду широту предметной отнесенности, реализуемой словами *живот* и *хлеб* как опорными звеньями основной, ведущей части описательного контекста: *живот* — всякое живое существо, животное; домашний скот; все, что нажито, имущество²; *хлеб* — пропитание, продовольствие; хлеб зерновой³.

Социально-экономическая весомость обозначаемого выражается в строгом расположении таких слов в последовательном развертывании

² СлРЯ XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 104.

³ Срезн., III, 1371—1373.

словесного ряда в описательном контексте: *крстьянин Митка Семенов у него животов двѣ лошади двѣ коровы теленок дву лѣт пятеро овецъ трое гусей четверо поросят десет куриць; крстьянинъ Ѳедка Васильевъ у него животов лошед да корова подтелок двѣ овцы десет куриць хлѣба ячмени осмина овса три полуосмины солоду полосимны; Гришка Григоревъ у него животовъ лошед корова ошца хлѣба ячмени двѣ чети овса двѣ чети; Гришка Иванов у него животов три лошади двѣ коровы десет овецъ трое гусей пятеро свинеи хлѣба ржи полторы чети ячмени пят чети овса десет четвертеи пшеницы полосмины; Аѳонка Иванов у него животов двѣ лошади три коровы пятеро овецъ теленокъ году хлѣба ржи полуосмины ячмени восемь четвертеи овса пят четвертеи, 76—77.* Нетрудно заметить, что понятие, реализуемое словом *живот*, обладает весьма широким диапазоном предметной ориентации; оно включает и домашний скот, и домашнюю птицу, поэтому оно выступает в качестве речевого ориентира, определяющего направление развертывания описания при характеристике всего того, что можно отнести к домашней живности.

Местоположение других ключевых слов является более или менее факкультативным: более того, они могут выступать в различных комбинациях, поочередно меняясь местами, но всегда должны следовать за словесным рядом, семантически соотносимым с содержанием слова *хлеб*. Эта часть описательного контекста может принимать форму изложения, раскрывающего содержание слова *сено* — корм для скота: *Тимошка Гаврилов у него животов лошед двѣ коровы пятеро овецъ свиня два поросенка десет куриць хлѣба ржи полторы чети ячмени семь чети овса четыре чети сѣна три воза соломы ржанои и яровой четыре овина; Матюшка Ѳедоровъ у него животов двѣ лошади три коровы четверо телят девет овецъ трое поросят хлѣба ржи шесть чети овса восемь чети ячмени шесть чети сѣна в лугу два стошка по три воза да в гумнѣ два воза соломы ржанои и яровой пят овинов, 77.*

Характеристика состояния припасов, используемых на корм скоту (*сено, солома*), может уступать место описанию одежды, реализуемому при посредстве ведущей роли слова *платье*: *Ивашко Леонтьевъ у него животовъ лошед корова теленокъ году двѣ овцы десет куриць хлѣба ржи чет овса три чети ячмени три чети платя шуба баранья да каѳтан сермяжнои хоромнаго строения изба да клѣтъ да мшеникъ; Ивашко Михаилов у него животовъ лошед три коровы трое телят году трое овецъ десет куриць хлѣба ржи шесть чети ячмени семь чети овса десет чети платя каѳтанъ шубнои да балахонъ сѣна стожекъ два воза в гумнѣ три воза соломы ржанои и яровой четыре овина хоромнаго строения изба да клѣтъ мшеникъ анбаръ в гумнѣ, 77.*

Развертывание описательного контекста может опираться на смысловой диапазон выражения *хоромное (дворовое) строение*, дающее представление о наличии жилых и хозяйственных построек: *Ивашко Гавриловъ у него животов лошед двѣ коровы четверо овецъ одиннатцать куриць хлѣбы ржи полторы чети ячмени семь чети овса полторы чети хоромнаго строения изба да клѣтъ на мшеникъ хлѣвъ сѣна три воза; Петрушка Михаилов у него животов лошед теленокъ году корову ошняль Андрѣи Михаилов снѣ Кашинцовъ хлѣба ячмени осмина сѣна*

воз; Ивашко Леонтьевъ у него животовъ лошаед трое телят теленок году а два по году корова отнял Андрѣи Михаилов снѣ Кашенцовъ трое овецъ хлѣба ржи полосмины ячмени полторы чети сѣмени лняного полосмины двороваго строения изба да клѣт на мшеникѣ анбаръ сѣна два воза, 77.

Описательные отрезки текста, представленные ключевыми словами и выражениями, определяющими реалии второстепенной хозяйственной значимости (по сравнению с ведущими *живот* и *хлеб*), занимают довольно свободное положение и могут следовать в том или ином порядке, указывая наличие той ценности, которая определяет имущественный потенциал предмета описательно-делового изложения. В таких контекстах реализуется определенная информация и вместе с тем устанавливается, фиксируется имущественное состояние того или иного владельца, поэтому описания такого рода, развертываемые в виде социально-оценочных характеристик, можно рассматривать в качестве информативно-фиксирующей разновидности описательного текста.

Другая разновидность описательного текста представлена контекстами, в которых объем передаваемой информации подвергается различным видам комментирования; при этом информативно-фиксирующая часть контекста дополняется рядом слов, призванных аргументировать, дать то или иное объяснение по поводу явлений, ставших предметом описания. Описательные контексты такого рода обычно дополняются словами, раскрывающими причины, которые вызвали те или иные нежелательные явления в жизни того или иного владельца. Чаще всего данная часть контекста ориентирована на семантическую значимость таких слов и выражений: *бежал, купил, заимовал, отняли, занял на свадьбу*; эти слова выступают в роли своеобразных опорных точек комментирующей части контекста: *Обрамко Еремѣевъ у него животов лошаед жеребенокъ трех лѣтъ двѣ коровы трое телят пятеро овецъ трое свиinei девет куриць хлеба ржи четыре чети ячмени двѣ чети овса три чети... ржи высеяно двѣ чети двороваго строения изба клѣт мшеникѣ долгу де сорокъ алтынъ купил лну да купил скотине корму; Да в той же дрвне Полутихе после бѣглого крестьянина Исачка Семенова пустою тягла другонатцетая дол выти пашня не пахана а двороваго строения никакого нѣт а он Изачко (так!) бежал в прошлых годѣхъ, 79; Дементей Малаѣевъ у него животов лошаед жеребя году двое поросят овца хлѣба чет овса сѣна с воз... долгу рубль заимывал хлѣб в диги долгу ж хлѣба чет ржи у него ж отняли свиную тушу дуниловски крестьяня за бѣглого крестьянина цена той тушѣ полтина; Доронка Иванов у него животов четыре лошаеди три коровы трое телят... долгу два рубли заимывал имал хлѣб в ценѣ i во всякие денежные подати, 81—82.*

Комментирующая часть описательного контекста может быть выражена словесным рядом, представляющим собой характеристику поведения, поступков и даже внешнего вида объекта описания. В этом случае используются народные выражения, обладающие образностью и способностью кратко и в то же время метко определить экономическое положение крестьянина: *Двор пустои Тимошки Иванова...*

пашни посяно половина другая пуста дворового строения изба да клѣт а он Тимошка живет в том же дворе кормица Христовым именем; двор пусть Ѳедки Леонтьева... пашня пахана а он Ѳедка живет в том же дворѣ кормица в мире дворового строения изба да клѣть; да после Исачка Семенова пустого тягла шестая дол выти а он Исачко в бегах пашня пуста бежал в прошлых годах дворового строения неть, 83.

В других случаях комментирующая часть описательного контекста опирается на обосновывание характеристического описания: указание на то, как вел себя кто-то, что он сказал и т.п.: крестьянин Овдоким Яковлев сказал досматриват де у меня в доме нечево а подати де я всякие платит стану, 84; крестьянин Костянтинъ Филилевъ осматриват на двор к себѣ не пустил а сказал что де онъ всякие подати платит станет моч де ево нне есть; крестьянин Микита Дмитръевъ на двор осматриват не пустил а сказал что де онъ во всякие подати днги платит станет нне моч ево есть, 85; целовалникъ Естиеѡи Григоревъ сказал властем де он о лготе нне не челобитчикъ потому что де онъ нне въ выборе и в мирские расходы днгъ не платит а вперед волны гдри нши власти; крестьянин Ларивон Иванов на двор не пустил а сказал что де онъ обо лготе не челобитчикъ всякие подати с тягла своего платит будет; Михаило Романов на досмотръ ся не дал а сказал я де гсдрем властем обо лготе не челобитчикъ всякие подати платит стану; Лукоянъ Семенов на досмотръ ся не дал а сказала я де гсдремъ властем не челобитчикъ обо лготе всякие подати платит стану; Ѳедор Семенов сказал я де гсдрем властем обо лготе не челобитчикъ всякие подати платит стану, 86; бобыл Первушка в роспросе сказа... и он после матери своен молилса бгу чтоб ему материно рукодѣле знат и тѣм бы кормится потому что он у матери не вывчился и о сенокосе на пожне тому два года лег он спат в полдень і во снѣ ему явился стар члѣкъ волосомъ рѣс а плате на нем что ризы поповские і велѣль ему костью ворожит и тѣм кормится, 161.

Описательные контексты могут открываться словесным рядом, придающим изложению большую дозу оценочной информации; в этом случае возрастает роль слов определенной семантики, используемых обычно в предикативной функции: Двор пусть Гришки Ѳедорова бежалъ в ннешнем же году двороваго строения изба да клѣть тягла осмак без шестои доли озимная пашня пахана; Двор пусть Ѳедки Василева бежал ннешнем же году хоромного строения изба да мшеник клѣть тягла другонатцетая дол выти озимная пашня половина пахана а другая половина пуста; Двор пусть Тимошки Леонтьева бежал в ннешнем же году двороваго строения изба клѣть... А сосѣди про них сказали животов де у них было по ѡднои лошади і тѣ де лошади они взяли с собою а иных де животов они сосѣди никаких не вѣдают; Да в той же дрвне Доброхотове двор пусть крестьянина Тимошки Михайлова бежал... А сосѣди про него сказали животов де он Тимошка взял с собою лошед а иных де никаких животов не вѣдают; Двор пусть крстьянина Пашки Степанова бежал в прошлом году... пашня не пахана хоромного строения изба клѣт около двора заборы по ѡдну сторону, 78.

Рассмотренные контексты свидетельствуют о том, что реализуемая информация сопровождается значительной дозой уточняющих сведений, поэтому изложение принимает несколько иную ориентацию; оно все более пронизывается оценочно-характеристической содержательностью по мере подключения определенных групп слов. Такие контексты можно отнести к иной разновидности описательного текста и квалифицировать как информативно-комментирующий тип изложения.

В деловой письменности Владимирского края встречаются контексты, где организация речевого материала направлена на квалификацию обозначаемого. В речевую структуру таких контекстов вводятся слова, предназначенные для уточнения того, что служит объектом обиходно-делового описания, или же для выражения оценочного отношения, — эти линии информативно-квалифицирующей организации текста направлены на повышение значимости реализуемой информации.

В роли квалификаторов используются слова, способные указывать на качественные стороны обозначаемого, т.е. того, что является объектом описания (*доброи, середнии, плохой, легкой, градобойной, с овинов, сыробоем* и др.). А достальная рож складена в селе Шипове в мнстрьском гмне в клади положено глятковских и шиповских и слободских крестьян неградобойной ржи сто сотницъ... с селища леглой ржи две клади клад сорок сотниц другая трицать девят сотниц да градобойной же ржи гаерилевских же крестьян складена клад восьмьдесят сотниц вышеславских семдесят четыре сотницы градобойной же шиповских и глятковских и слободских крестьян складено градобойной ржи две клади в клади сто сотниц, 49; обмолочено на опыть доброи и середней и плохой три сотницы, 52; да тое ж ржи обмолочено на семена с овинов и сыробоем колосовано шестьдесят сотниц, 58.

Квалификаторы используются для уточнения содержания реализуемой информации; в этих целях применяются повторы слов и словосочетаний, способствующих распространению текста посредством перечисления обозначаемых реалий и присоединения слов, содействующих формированию целостной картины обиходно-повседневной деятельности: *помѣщиково дворовое мѣсто пусто бес хором и на том на пустом мѣсте ставится бобыл Олешка Яковлев, 19; ужато на мнстрьских пустошах на пустоши Шилове на старопашке и на новочыстях, 52; крестьянин Пимин Ортемевъ у него три лошади... косуля с желѣзы хомуты косы серпы сани есть телега есть и всякой крестьянской завод есть дворовое строение корму с овин яровой соломы ржаной с овин колосу ржанова овина с три на нем шуба каѣтанъ сукна сермяжного с каѣтан каѣтан новой сермяжной сѣна с острамох, 87.* Контексты такого рода можно квалифицировать как разновидность описательного текста и отнести к типу информативно-квалифицирующего изложения.

Реализуемая информация может выступать в виде подробной описи имущественного состояния и служить основанием для установления истинной принадлежности владельцу того или иного владения по тем ориентирам, которые определяют местонахождение последнего. В качестве уточняюще квалифицирующего средства используются слова, способные выступать в роли микроориентиров (*маленькая березка,*

большая березка, рябинка, ива, межа, поле, дорога и др.). Вот так описывается часть владения, по отказу перешедшая к другому владельцу: К *тви же дрвне Выремше на еѣ* (Оленину з *детми* долю досталося в тех полях пашни В *первом* поле ѣдучи из дрвни за мость налево дорошкою гоны с полторы съ *ямки* прямо к горѣ мѣжею на маленькую бѣрезку а з бѣрески на *межу* прямо на *болшую* бѣрезу до слобоцкине дороги и к слободѣ *попоехав* дорогою з гоны направо *рябинка* а под нею *яма* новая мѣжа пошла прямо сугонемъ на *берѣзу* и *от* бѣрезу (*так!*) з гоны сугонемъ на *иву* а *от* *ивы* прямо полем на *болшую* бѣрезу что *стоит* на лоску прямо до *мнстрьскои* межи *от* дрвни лѣвая сторона до *дороги* а за дорогою с *рябинки* левая ж сторона ѣи Олене з *детми*, 22.

Или же описание, выступающее в виде своеобразной инвентаризации содержимого, которое передается владельцу: *едъчи* из города *от* речки *от* Наромши по правую сторону дороги *смердовские* по *вражекъ* и за *вражекъ* по обе стороны дороги *смердовские* по *речку* по *Жьколку* да ему ж *Ерѣмею* шделено (*так!*) въ *яровом* поле с угла с *лесв* з *берѣзы* на *бережъ* на *ягол* на *лес* через *дорогъ* *новоселскую* по правую сторону (Ононасю *едъчи* из *Дроздова* по *новоселскую* и по *косинскую* *дорогъ* по правую сторону, 24.

Описание владений, расположенных в черте города, включает иной ряд слов, обладающих микроориентирной содержательностью; обычно встречаются слова, свидетельствующие о местонахождении торгового места, торгового ряда, торговых ворот, хоромных строений и т.п., например: *Того ж* *чсла* *володимерець* *посацкои* *члвкъ* *Петръшка* *Головашкин* *явил* *купчюю* а в *тви* *купчеи* *написаню* *володимерець* *посацкои* *члвкъ* *Микишка* *Иванов* *снъ* *Лапотников* *продал* *лавку* *свою* і с *мѣстом* в *Володимере* в *лапотном* *ряду* *идучи* из *города* іс *Торговых* *воротъ* на *Торговую* *площед* на *лѣвои* *стороне* і с *шалашем* у *той* же *лавки* іс *шалашным* *мѣстом*; *свое* *купленое* *бѣлое* *дворовое* *мѣсто* *бес* *хоромъ* с *огородом* і *вишенником* і съ *яблонми* *посацкому* *члвку* *Потѣшке* *Столътову* а в *межах* *то* *их* *бѣлое* *дворовое* и *огородное* *мѣсто* *подле* *гдрева* *дворовог* *мѣста* *гдѣ* *бывал* *гдрев* *двор* и *подле* *гдрева* *саду* а *позади* *огороду* *села* *Красног*, 130.

Наблюдения свидетельствуют о том, что рассмотренные тексты являются более распространенными и в большей мере детализационно ориентирующими; такие тексты можно квалифицировать как особую разновидность описательного типа текста, как тип информационно-инвентаризационного изложения. Описательные контексты хранят следы стилистически отмеченного употребления слов и словосочетаний, поэтому можно придерживаться мнения: и в сфере локальной письменности имели место явления, связанные с актами упорядочения и нормализации, и они представляли собой отражение общих, общерусских процессов, находивших свое выражение в сближении языка деловой письменности с формами книжно-письменного языка в пору перерастания языка великорусской народности в язык русской нации.